

⁸² *Çabej E. Parallele Ausdrücke und Redensarten in den Balkansprachen // Revue Internationale des Études Balkaniques 2, 1936, 1–2, (3–4), 227.*

⁸³ *Çabej E. Miscellen. 3 // Revue Internationale des Études Balkaniques 3, 1937–38, 527–573.* Выражаю благодарность проф. д.ф.н. П. Асеновой, обратившей мое внимание на указанные ранние работы Е. Чабея и П. Папахаджи.

Принятые сокращения

АИР – Архив на Идеографския речник на българския език. Катедра по български език на ФСФ. СУ. София.

ДА – Диалектен архив на Института за български език при БАН. София.

Перевела с болгарского Л.В. Куркина

А.Е. Аникин

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА НЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (8–20)¹

8. Блр. *ardá* ‘шум, беспорядок’, *irdá* (*ірду тварьць* ‘кричать, лаяться’), рус. смол. *ardá* ‘шум, буянство’ считаются балтизмами, источник которых усматривается в лит. *ardà* ‘шум, беспорядок, ругань’². Последнее же входит в семью слов, представленных лит. *ardýti* ‘нарушать разрушать’, *irti* ‘распадаться, разрушаться’ и др. (Fraenkel, 15–16), куда относятся и *ardõnè* ‘болото, топь; неуютная большая комната’, *ardũnè* ‘ругань, ссора’, ср. польск. (< лит.) диал. *ordañá* ‘непорядок, балаган; болото, топь’³. Возможность связи блр. *ardá* (в Носович 367 *ordá*) с тюркизмом *ordá* отклонялась из-за семантического несоответствия⁴. Привлечение более широких данных по русской диалектной лексике показывает, что это несоответствие не так очевидно.

Рус., блр. *ardá* ‘шум, беспорядок’ трудно отделить от рус. диал. *ordá* ‘ругань, брань’ (*тут настоящая татарская орда*, вят.), ‘о толпе, ватаге детей преимущественно младшего возраста’ (вят., волог., костр., перм., сиб.), ‘о многодетной семье’ (вят., казан., новосиб., урал. и др.), *ордú творить* ‘приходить в ярость, неистовствовать’ (смол.), ср. *дети без батьки орду подняли в хате* (СРНГ 23, 332), ‘дети’ том. (Словарь Оби I, 18–19). География и семантика этих слов (ср. указание на толпу, ватагу, множество детей), словосочетания *татарская орда* свидетельствуют в пользу их связи с рус. *ordá* < тюрк. *orda* ‘союз племен, войско, стан, лагерь’.

Блр. *irdá* могло возникнуть, кстати, из **рда* = рус. смол. *рда* ‘орда (?)’ (*И шел Исус Христос со рдою*, СРНГ 34, 358).

Существенно, что для рус. *орда́* в значении многодетной семьи допускалось происхождение из иного тюрского источника, а именно, близкого казах. *arda* ‘семья, множество детей’, алт. *arda* ‘милое дитя’, татар., казах. *ardaḡ* ‘умиротворенный, спокойный’ < монг. *arday* ‘мягкий, нежный, легко устающий’ (Räsänen, 24). Можно предположить, однако, что казах. *arda* само заимствовано из рус. *арда́* = *орда́* ‘орда (детей)’.

Принимая в целом литовскую этимологию рус., блр. *арда́*, следует считаться с возможностью контаминации этого литуанизма с тюркизмом *орда́*, пережившим в данном случае заметный сдвиг значения.

9. Сев.-рус., перм. *ка́рда* ‘строение для домашнего скота’ было объяснено как опосредованный балтизм, попавший в русские говоры через посредство морд. эзя *kardas* ‘двор’ < балт. **garda(s)*, ср. лит. *gaĩdas* ‘стойло, загон, огороженное место для скота’ (лтш. *gaĩds* ‘перегородка для мясного скота, главным образом для свиней’, вероятно, литуанизм⁵), праслав. **gordъ* и др.⁶ Однако, русское слово происходит в действительности из чуваш. *ка́рта* ‘забор; доска; загон для скота’, связанного с башк. диал. *kärtä* ‘плетень; огороженное место; хлев’ и сходными тюркскими фактами, которые могут быть образованы от тюрк. *kärt-* ‘делать зарубки, насечки’, хотя не исключено и заимствование из иранского (скифосарматского) источника, родственного осет. *kært* ‘двор’ resp. упомянутым балт. **gardas*, слав. **gordъ*⁷. Морд. эзя *kardo*, мокша *kardä* ‘загон для скота; хлев’ заимствовано из чувашского или из русского (< чуваш.). Но для упомянутого морд. *kardas* ‘двор’ балтийская этимология остается в силе⁸. Рус. оренб. *га́рда* ‘загородка для скота’ (СРНГ 6, 139), скорее всего, не более чем фонетический вариант формы *ка́рда*, возникший вследствие дистактной ассимиляции *ка́рда* > *га́рда* или под влиянием *городить*. Локальный оренбургский ареал *га́рда* не позволяет видеть в нем балтизм, ср. цитированное лит. *gaĩdas*. Напротив, для псков. *го́рды* мн. ‘настил из жердей’ (Псков. словарь 7, 100) допустимо балтийское происхождение.

10. Др.-рус. *медолазъ* ‘время добывания сотов из бортей’, орл. *медола́з* ‘тот, кто крадет мед’, возникшие на основе оборота *медъ лазити* или *лазити медъ* (ЭССЯ 18, 55, s.v. **medolazъ*), находят близкую структурную параллель в лит. *medkõpis* ‘время добывания меда’ < *medu kõpti* ‘вынимать мед (из бортей, ульев)’, ср. *kõpti* ‘лезть, подниматься’, *kõpti*, *kõpti* ‘доставать мед’. Лит. *kõpti bites*, лтш. *kãpt bites* с тем же значением аналогично др.-рус. *лазити пчел* ‘вынимать мед из бортей’⁹. Праслав. **medolazъ* не бесспорно, речь идет скорее всего о древнерусском образовании, которое могло возникнуть под влиянием балтийского субстрата.

11. Блр. диал. *мерд* ‘мужчина’ квалифицировано как иранизм (ЭСБМ 7, 19), причем не было принято во внимание наличие в пуб-

ликованном З. Зинкявичюсом “Польско-ятвяжском словарики” слова *mard* ‘человек’¹⁰. При любом отношении к этому злополучному документу необходимо учесть объяснение “ятвяжского” *mard*, согласно которому данное слово, будучи связано в конечном счете с иранским названием человека (‘смертного’: ср. авест. *marəta-* ‘смертный’ и др.), никоим образом не могло быть усвоено прямо из иранского, но получено через финно-угорское посредство, ср. фин. *marra* ‘умирающий, покойник; мужской’, коми *mort*, удм. *murt* ‘человек’ и др.¹¹ Даже отказывая “ятвяжскому” *mard* в реальности, для блр. *мерд* целесообразно принять посредство некоего балт. **mVrd-* < фин.-угор. < иран.

12. Рус. диал. *ми́кать* ‘мычать’ (вят.), ‘говорить нечленораздельно’ (курск.) и ряд близких славянских фактов (польск. *mikać* ‘мычать’ и др.) стали основанием для реконструкции праслав. **mikati* (ЭССЯ 19, 32). Для этой лексемы стоит указать близкую параллель в лит. *mūkti* ‘мычать, стенать, нечленораздельно говорить, мурлыкать; петь без слов, выпрашивать’, *mykūoti* ‘петь без слов, мурлыкать’ (LKŽ VII, 183). И в литовском и в славянских языках речь идет об ономотопеических образованиях.

13. Болг. *му́ша* ‘колоть, толкать, совать’, макед. *муши* ‘колоть, накалывать, натывать’ восходят к праслав. **mušiti*, сопоставляемому, наряду с праслав. **muxati* (ср. болг. *мухам* ‘колоть, бодать; пихать, совать, бить и др.’), с лит. *mūšti* ‘бить, колотить’ (ЭССЯ 20, 174, 200)¹². Перечень балтийских параллелей целесообразно расширить за счет фактов с корневым вокализмом, тождественным славянскому: лит. *maišti* ‘быть пылким’, ‘бегаться (о корове)’, *išmaišinti* ‘выманить, выклянчить’ (LKŽ VII, 945; ср. болг. *из-мушам* ‘забодать, исколоть’). Правомерность привлечения последних подтверждается прежде всего рефлексивом *mūštis* ‘биться, драться’ и ‘быть в течке (об овцах, кобыле)’, а также многочисленными семантическими аналогиями вроде слав. **biti* ‘бить’ и **biti se* ‘биться, быть в течке (о животных)’¹³.

14. Рус. южн., зап., ряз. *му́лить* ‘тереть, нагнетать, жать; надоедать’, блр. *му́ляць* ‘тереть, жать’ и аналогичные славянские факты возводятся соответственно к праслав. **muliti*, **mul’ati* с не очень ясными этимологическими связями (ЭССЯ 20, 180–184). Возможно родство с лит. *maulióti* ‘брести по грязи’, ‘проталкиваться, соваться’, *maĩlinti* ‘напяливать, натягивать (шапку) на уши’, ‘понемногу идти, тащиться’, *maĩlyti* ‘натягивать, нахлобучивать’, *nu-maulóti* ‘попирать, вытаптывать’ (LKŽ VII, 936), связанными далее с лит. *máuti* ‘напялить, натянуть, надеть (кольцо, одежду, обувь); стянуть, снять, совать; бить и др.’, лтш. *maĩt* ‘натягивать, взнуздывать’ (Fraenkel, 421), и.-е. **mei(ə)-* ‘двигать, сдвигать’ (Pokorny I. 743). Праслав. **mi-l-* и балт. **mai-l-* обнаруживают суффиксальное расширение, пред-

ставленное, например, в семантически близких праслав. **bruliti* ‘сбивать (плоды, листья)’ и лтш. *brauļat* ‘проводить рукой по лицу’ (ЭС-СЯ 3, 46–47), ср. праслав. **brusiti*, **brъsati*, лит. *braũkti* (ЭССЯ 3, 48–49, 55–57). Семантически (и, вероятно, генетически) к праслав. **mil-*, балт. **mau-l-* близко лит. *maĩkti* ‘стягивать, проводить рукой, обрывая’¹⁴, праслав. **mъknqti* ‘срывать, дергать, тянуть’ (ЭССЯ 20, 218–219) и др.

15. Пропущенное в словаре М. Фасмера рус. костр., яросл., твер. *мурá* ‘вид кушанья, тюря’ получило в ЭССЯ оригинальное объяснение, согласно которому это слово генетически тождественно с.-хорв. диал. *му́ра* ‘грязь, раскисшая земля’, ‘вид глины’ < праслав. **mura* I, ср. родственное лит. *máuras* ‘грязнь, тина’ (ЭССЯ 20, 191). К продолжениям **mura* I следует добавить рус. псков., амур. *мурá* ‘мелкая трава’, псков. ‘участок земли с мягкой травой, заливаемый весной во время половодья’ (СРНГ 18: 347), а к балтийским параллелям этой праславянской лексемы – лтш. *maura* (наряду с синонимичным *maĩs*) ‘трава на доме, вокруг дома; дерн’, *mauras zāle* ‘мелкая трава без глубоких корней, растущая на больших дорогах’¹⁵, лит. *maurė* (= *máuras*) ‘водное растение Lemna, ряска’, *maurāi* мн. ‘ряска’, ‘ил, грязь’ (LKŽ VII, 939). Рус. арханг. *мурíна* ‘дерн’, укр. *мурíна* ‘болотце, остающееся после половодья’ (< **murina*, см. ЭССЯ 20, 193) находят близкие соответствия в лит. *maurỹnė* ‘место, затянутое ряской; грязь, илистая почва’, *maurýnas* ‘место, где много ряски’ (LKŽ VII, 795) от *máuras*, *maurāi*.

Для рус. *мурá* как названия примитивного блюда, тюрю недавно было предложено иное, нежели в ЭССЯ, истолкование. Речь идет об одном из редких случаев, когда апеллатив получает довольно правдоподобную мерянскую этимологию. Согласно А. Алквист¹⁶, рус. *мурá* восходит к мерянскому источнику, связанному с фин. *miru* ‘крошка’, ижор. *miru* ‘крошка; кушанье из молока и крошек хлеба’ (ср. рус. *крóшка* и *о-крóшка* как название блюда). Слово *мурá* широко известно также в олонецких и других русских говорах (СРНГ 18, 347) и по крайней мере частично может происходить из живых прибалтийско-финских языков. Естественно, что подобное решение выводит рус. *мурá* из числа рефлексов **mura* I.

Не очень убедительным выглядит также включение в круг продолжений этой праславянской лексемы рус., укр., блр. *мурлó* ‘харя, рожá’ (ЭССЯ 20, 191), которое сопоставимо с лит. *mùrlė* пей-ор. ‘рот, лицо, нос’, *miũlis* ‘короткомордый (о свинье)’, *murlià* ‘топкое илистое место’, *miũlyti* ‘грязнить, пачкать’, *miũlynas* ‘грязнуля’, ‘мутный, с осадком’¹⁷. К этому кругу фактов примыкает, кстати, рус. том. *мурлíнка* ‘озеро возле болота, слегка затянутое мхом’ (СРНГ 18, 356), которое может быть занесенным в Сибирь балтизмом.

16. Рус. *нособой табак* ‘нюхательный табак’ (Даль² II, 351; также во владимирских говорах, см. СРНГ 21, 291) включено в число продолжений праслав. **nosovъ(jь)*, производного от **nosъ* (ЭССЯ 25, 211). Такое решение оправдано лишь формально, поскольку значение ‘нюхательный (табак)’ могло развиваться только с распространением на Руси обычая нюхать табак, т.е. не ранее XVII–XVIII вв. Не исключая в принципе исконного происхождения рус. *нособой (табак)*, следует, однако, обратить внимание на очень сходные тюркские факты: кирг. *насыбай, наспай*, южн. *нас* ‘насвай (табак специального приготовления для закладывания под язык или за нижнюю губу)’¹⁸, узб. *нос, носвой*, туркм. *нас* то же, казах. *насыбай*, татар. *насвай*, чагат. *нас* ‘нюхательный табак’, уйгур. *нас, насвай, насвал* ‘сорт жевательного и нюхательного табака’, бараб. *назапай*, алт., телеут., *тазымай* ‘нюхательный табак’ (Радлов III, 656–657, 930), калм. (< тюрк.) *naswā* то же¹⁹. Допускалось даже, что бараб. *назапай*, алт. и др. *тазымай* заимствованы из рус. *нособой* (Räsänen, 351; ср. Радлов III, 930). Но выведение этих и других указанных тюркских форм из русского или сопряжено с большими трудностями, или невозможно. Правильная этимология тюркских слов иная: они восходят к перс. *nās* ‘нюхательный табак’, ‘табак, закладываемый под язык’²⁰, ср. также тадж. *нос* ‘сорт жевательного и нюхательного табака’. Кроме того, следует ориентироваться на источник типа афг., дари *naswār* ‘табак, закладываемый под язык’ – производное от *nas* с суффиксом подобия, широко распространившееся в иранских языках Памира главным образом в качестве названия табака, закладываемого под язык²¹. Первоначально речь шла, по всей вероятности, о нюхательном табаке, что подтверждается материалом индоарийских языков, ср. непальск., кашмири *nas* ‘нюхательный табак’, гуджарати *nās* ‘вдыхание дыма через нос’, далее к др.-инд. *nāsā* дв. ‘нос’²². Лениция ауслатного *-r* в ряде тюркских языков (в диалектах уйгурского, отдельных диалектах или говорах туркменского, узбекского и казахского и др.) привела к появлению форм с *-l* (*насвал*) или *-j* (*насвай*)²³.

Рус. *нособой (табак)* могло быть усвоено из тюрк. (скорее всего, татар.) *насвай* и/или аналогичного слова в русской речи татар и других тюрков, чем, видимо, и объясняется использование слова “насвай” в тюркско-русских словарях. Уместно указать засвидетельствованный в русских говорах Киргизии локальный тюркизм *насвай* ‘жевательный табак’ (СРНГ 20, 152–153). Совпадение рус. *насвай* с *нособой* < праслав. **nosovъ(jь)* и появление выражения *нособой (табак)* объяснимо как следствие народной этимологии (*нюхать табак* значит “набивать себе нос молотым табаком”, ср. речение *набил носница табачищем*, Даль² II, 563; IV, 384), которая в данном случае дала эффект своего рода реэтимологизации, т.е. сближения с *нос*.

От *нособой* в значении нюхательного табака (сюда же, возможно, и кубанское *нособой* как название некоей травы, см. СРНГ 21, 291) образовано том. *носовик* ‘казак, занимающийся разведением табака’ (СРНГ 21, 290), принадлежность которого к рефлексам праслав. **nosovikъ* (ЭССЯ 25, 212) проблематична. Не исключено, что это слово является калькой с тюркского прототипа (в языке бухарцев – переселенцев в Западную Сибирь из Средней Азии) вроде узб. *нос-войчи* ‘тот, кто занимается изготовлением и продажей наса’.

17. Блр. диал. *ніклы* ‘слабый, хилый’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 3, 224) естественно рассматривать как рефлекс причастия на *-l-* **niklъjь* (ср. др.-рус. *по-никлыи* ‘поникший, опущенный’, см. Срезневский II, 1180) от **niknqti*. Необходимо, однако, определить отношение белорусского слова к литовским отглагольным прилагательным от *nūkti* ‘исчезать, пропадать’ – *nyklūs* ‘тот, кто склонен исчезать, пропадать’, ср. *nyklà* ‘тот, кто болезненный, тщедушный, захиревший’ (LKŽ VII, 795, 802). Старая трактовка литовских форм на *-us* позволяла видеть в *nyklūs* преобразование исходного **nyklas*, тождественного праслав. **niklъjь*²⁴. В пользу такого решения в принципе свидетельствуют индоевропейские истоки славянских причастий на *-l-* и их балтийских параллелей²⁵. Не так давно было показано, однако, что дериваты на *-lus* являются литовскими новообразованиями²⁶. Оснований для допущения лит. **nyklas* нет. Блр. *ніклы* и лит. *nyklūs* возникли независимо друг от друга, хотя наличествующее в них *-l-* (не говоря о корне) и имеет единое индоевропейское происхождение. Нет оснований и для того, чтобы видеть в блр. *ніклы* литуанизм.

Сходная ситуация *mutatis mutandis* представлена, например, и в случае с праслав. **mьrlъ(jь)*, причастием на *-l-* от **merti*, **mьrǫ* ‘умереть’ (ср. чеш. *mrlý* ‘умерший’ и т.п., ЭССЯ 21, 139), очень похожим на лтш. *miřla*, *mirla*, *mīřla*, *mirlis* ‘болезненный, отощавший человек или животное’, *miřla* ‘небрежный, ленивый человек’, *mirlis* также ‘убийца’, ‘очень ленивый человек’ (Mūlenbachs-Endzelīns II, 634). Лтш. *mirla* принадлежит к хорошо известной группе восточнобалтийских отглагольных пейоративных названий лиц на *-la* (ср. выше лит. *nyklà*)²⁷. Правда, *mirlis* восходит к вост.-балт. **mirl-ja-* от **mirla-*, которое может быть тождественно **mьrlъ(jь)*, ср. и близкую лексику – **mьrlo*, **mьrlina* и др. (ЭССЯ 21, 137–140).

18. Данные о праслав. **norъсь* (< **noriti* ‘окунуть’ + суф. *-ьсь*), реконструируемом на основе многочисленных фактов типа др.-рус. *норець* ‘ныряльщик’, ‘нырок’ (ЭССЯ 25, 197), целесообразно дополнить указанием на генетическое соответствие в лит. диал. *narìkas* ‘гагара’, производном с суф. *-ikas* от *narìnti* ‘погружать, окунуть’, *narìntis* ‘нырять’, ср. *narýti* ‘окунуть’ (об этих фактах см. Fraenkel, 493). В свою очередь, параллельное праслав. **norъкъ* (< **noriti* + суф. *-ъкъ*), отразившееся в чеш. *norek* ‘водолаз, птица крохаль’ и т.п.

(ЭССЯ 25, 197), сопоставимо с лит. *narūkas* ‘птица гоголь’, которое, правда, образовано не от глагола, а от адъектива *narūs* ‘хорошо ныряющий’ + суф. *-kas*²⁸.

19. Блр. диал. *náстка* ‘мышеловка’, ‘большой рот’ истолковано как литуанизм, связанный с лит. *spástai* pl. tant. ‘мышеловка; западня’, ср. *spésti* ‘устанавливать, ставить ловушку, западню’²⁹. Однако ни у белорусского слова, ни его коррелятов в рус. смол. *náска* ‘ловушка, мышеловка’, ‘приманка в ловушке’, зап. *náстка* ‘ловушка, западня’, Прибалтика, смол., зап., псков. *náстка* ‘мышеловка’ (СРНГ 25, 264) нет следов начального *с-* и/или множественного числа. При заимствовании из литовского ожидалось бы нечто вроде рус., блр. **(с)насты*. Очевидно, что *náс(т)ка* – деминутив от *насть* ‘зев животного’, ‘ловушка на животного’ (последнее преимущественно в севернорусских и сибирских говорах, но также и в других), ср. псков., смол. *náстка* ‘зев, пасть’ СРНГ 25, 264). Обращает на себя внимание, правда, что *náс(т)ка* распространено главным образом в западнорусских говорах, включая говоры в Прибалтике, в том числе в Литве. Однако, как будто нет оснований видеть здесь результат литовского влияния. С точки зрения географии стоит обратить внимание также на рус. новосиб. *náстка* ‘ловушка на медведя’ (СРНГ 25, 264). Последнее (как и другие указанные выше факты), кстати, не имеет ничего общего с тюрк. *pas-* = *bas-* ‘давить’.

20. Блр. (Витебская обл.) *шля́па* ‘мокрый снег с ветром’ было вполне рационально объяснено как входящее в тот же ряд, что блр. *хля́па* ‘изморозь’, *хло́паць* = *шлю́паць* ‘шлепать по грязи’, *хлю́па* ‘мокрая погода, слякоть’ и др. (праслав. **xl'ip-*, **xlip-* и др.)³⁰. Сюда следует добавить рус. новгор. *шленьё* ‘сырой снег, идущий большими хлопьями’, *шля́пиша* ‘снег с дождем’ и, что менее вероятно, *шáлена*, *шáлина* ‘снег с дождем’ (Новг. словарь 13, 76, 101–102), где возможна связь и/или контаминация с *лип-*, ср. псков. *залипу́ха* ‘мокрый липкий снег’ (Псков. словарь 11, 299). Следует все же считаться с возможностью, что в *шляп-*/*шлеп-* скрывается адаптированный балтизм, восходящий к источнику типа лит. *šlapà* ‘сырая, дождливая погода, слякоть’ (LKŽ XIV, 1013), ср. *šlāpias* ‘мокрый’, *šlāpti* ‘мокнуть, намочить’, *šlāpdriba* ‘дождь со снегом’ и др. (Fraenkel, 999–1000). Балтизм такого рода легко мог бы контаминировать с дескриптивной основой *шлеп-* (рус. *шлёпать*, блр. *шлёпаць*) и сходными.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 02-04-00152а. См. ранее: Аникин А.Е. Славянская лексика на неславянском фоне (1–7) // Этимология 1997–1999. М., 2000, 6–12.

² *Vilga K Rinkiniai raštai*. Т. II. Vilnius, 1957, 507.

³ Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 52, 81.

- ⁴ *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai // *Baltistica*. T. V. (1). 1969, 47.
- ⁵ *Sabaliauskas A.* Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 12. Vilnius, 1970, 16–17.
- ⁶ *Лаучюте Ю.* Указ. соч., 112.
- ⁷ *Joki A.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973, 269–270; ср.: Лыткин – Гуляев 118; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 527.
- ⁸ Ср.: *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos kilmė. T. I. Vilnius, 1984, 173.
- ⁹ *Eckert R.* Minimale Textfragmente im Slawischen und ihre Entsprechungen im Baltischen // *Baltistica* IV (2). 1968, 86–90.
- ¹⁰ *Зинкявичюс З.* Польско-явтяжский словарь // *Балто-славянские исследования* 1983. М., 1984, 15.
- ¹¹ *Орел В.Э., Хелимский Е.А.* Наблюдения над балтийским языком польско-“явтяжского” словарика // *Балто-славянские исследования* 1985. М., 1987, 126.
- ¹² *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // *Этимология* 1971. М., 1973, 11–12.
- ¹³ *Аникин А.Е.* К изучению балто-славянских лексических связей // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. М., 1995, 61.
- ¹⁴ *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1957, 470.
- ¹⁵ *Endzelīns J., Hauzenberga E.* Papīdīnājumi un labojumi K. Mūlenbacha latviešu valodas vārducai. S. II. Rīga, 1938, 786.
- ¹⁶ *Ahlqvist A.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia Slavica Finlandensia* 15. Helsinki, 1998, 22–23.
- ¹⁷ *Аникин А.Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*a- – *go-). Новосибирск, 1998, 93–94, 106.
- ¹⁸ *Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин.* М., 1965, 553.
- ¹⁹ *Рассадин В.И.* Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. Улан-Удэ, 1983, 78.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982, 78.
- ²² Там же.
- ²³ Любезное сообщение Н.Н. Широковой. См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984, 374.
- ²⁴ Ср.: *Otrebski J.* Gramatyka języka litewskiego. T. II: Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965, 59.
- ²⁵ *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение славянских глагольных форм на -l- // *Советское славяноведение*. 1981. № 6, 98–99.
- ²⁶ *Темчин С.* Происхождение литовских прилагательных на -lus по данным внутренней реконструкции // *Baltistica*. T. XXVIII (2). 1994, 31–47.
- ²⁷ *Endzelīns J.* Darbu izlase. S. IV. D. 2. Rīga, 1982. 483.
- ²⁸ *Otrebski J.* Op. cit., 282.
- ²⁹ *Лаучюте Ю.* Указ. соч., 123.
- ³⁰ *Петлева И.П.* Скласть. Шляпа // *Русские диалекты: Лингвогеографический аспект*. М., 1987, 212–213.